

ДЖИН ШАРП

ОТ

ДИКТАТУРЫ

К

ДЕМОКРАТИИ

Джин Шарп
**От диктатуры к демократии.
Стратегия и тактика освобождения**

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3373455

От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения: Новое издательство; М.;

2012

ISBN 978-5-98379-159-6

Аннотация

Демократы не могут противостоять диктатуре и защищать политическую свободу, если они не способны действенно применять собственную силу. Что нужно делать? Отвечающая на этот вопрос книга сотрудника Института Альберта Эйнштейна Джина Шарпа «От диктатуры к демократии» сыграла большую роль в свержении авторитарных режимов Сербии, Грузии, Украины, Египта и других стран и на сегодняшний день стала классическим руководством по тактике и стратегии ненасильственного политического сопротивления. Она актуальна всюду, где власть ведет наступление на свободы и права человека и подминает под себя демократические институты.

2-е издание, исправленное.

Содержание

Предисловие	4
Глава первая	6
Постоянная проблема	7
Свобода через насилие?	9
Перевороты, выборы, спасители из-за рубежа?	10
Лицом к лицу с жестокой правдой	12
Глава вторая	13
Достоинства и недостатки переговоров	14
Переговоры о капитуляции?	15
Сила и справедливость на переговорах	16
Уступчивые диктаторы	17
Какой именно мир?	18
Основания для надежды	19
Глава третья	20
Притча о повелителе обезьян	21
Необходимые источники политической власти	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Джин Шарп

От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения

Предисловие

Много лет меня очень волновал вопрос о том, как предотвратить или разрушить диктатуру. Этот интерес отчасти основывался на вере в то, что людей нельзя подавлять и уничтожать, чем всегда и занимаются такие режимы. Веру подкрепляли книги и статьи о значении человеческой свободы, о природе диктатуры (от Аристотеля до литературы о тоталитаризме), об истории диктатур (в особенности нацистской и сталинской).

Я знаком со многими людьми, жившими при нацистах и прошедшими через концентрационные лагеря. В Норвегии я встречался с теми, кто боролся против фашистского режима и выжил, и узнавал о тех, кто погиб в этой борьбе. Я беседовал с евреями, избежавшими смерти, и с людьми, помогавшими их спасти.

О коммунистическом правлении в разных странах я знаю скорее из книг. Такие режимы кажутся мне особенно жуткими, поскольку диктатуру там устанавливали во имя освобождения.

В последние десятилетия мне удалось разобраться в особенностях современных диктатур Панамы, Польши, Чили, Тибета и Бирмы благодаря свидетельствам бежавших оттуда людей. Много новых сведений о коварной природе диктатур я получил от тибетцев, боровшихся с китайской коммунистической агрессией, от россиян, победивших путч в августе 1991 года, от тайцев, которые мирным путем помешали восстановлению военного правления.

Жестокость вызывала боль и гнев, хладнокровное мужество восхищало. Ктому жея бывал там, где опасность еще не исчезла и сопротивление продолжалось. Я был в Панаме при Норьеге; в Вильнюсе при советских репрессиях; на площади Тяньаньмэнь – и во время демонстрации, и в ту страшную ночь, когда там появились бронетранспортеры; и в джунглях Мейнерплау «освобожденной Бирмы», где располагался штаб демократической оппозиции.

Бывал я и там, где погибли люди, – у телебашни и на кладбище в Вильнюсе, в рижском парке, в Ферраре (Северная Италия), где фашисты построили и расстреляли участников Сопротивления, видел и могилы в Мейнерплау. Больно думать, что любая диктатура оставляет после себя столько смертей и разрушений.

Заинтересованность и опыт породили твердую надежду, что предотвратить наступление тирании можно. Можно бороться с ней, не истребляя друг друга, можно ее победить и помешать ей вновь возникнуть из пепла.

Я попытался продумать самые действенные способы борьбы, предполагающие как можно меньше страданий и жертв. При этом я пользовался тем, что дало мне многолетнее изучение диктатур, сопротивления и революций, исследование политической мысли, систем правления и в особенности вполне реального опыта ненасильственной борьбы.

Так и появилась эта книга. Конечно, она далека от совершенства, но все-таки может помочь размышлениям об освободительном движении и даже поспособствовать ему.

И по необходимости, и намеренно я уделяю главное внимание общим соображениям о том, как разрушить прежнюю диктатуру и не допустить новой. Я не берусь за подробный анализ и не даю рецептов для какой-то определенной страны, однако надеюсь, что это исследование поможет жителям многих стран, которым пришлось столкнуться с диктатор-

ским режимом. Они уже сами решат, применимо ли оно к их ситуации и в какой степени его основные рекомендации могут быть пригодны для освободительной борьбы.

Наконец, я благодарю тех, кто помогал мне в этой работе. Брюс Дженкинс, мой помощник, сделал очень много, уточняя и форму, и содержание проблем. Кроме того, он постоянно советовал мне энергичнее и яснее представлять сложные идеи (в особенности те, что касаются стратегии), помогал менять структуру материала и редактировал текст. Я благодарен Стивену Коуди за редактуру, д-ру Кристоферу Крюглеру и Роберту Хелви – за важные замечания и советы. Д-р Хейзел Макферсон и д-р Патриция Паркмен предоставили сведения о борьбе в Африке и Латинской Америке. Хотя настоящая работа во многом выиграла от такой щедрой помощи, ответственность за анализ и выводы я беру на себя.

Я нигде не утверждаю, что борьба с диктатурой легка и безобидна. Любые формы борьбы предполагают осложнения и потери. Естественно, что противостояние диктаторам потребует жертв. Однако я надеюсь, что наш анализ поможет лидерам сопротивления выработать стратегию, способную повысить его мощь и сократить потери.

Кроме того, не следует думать, что при свержении конкретной диктатуры исчезнут все остальные проблемы. Падение режима не приводит автоматически к реализации утопического идеала – оно открывает путь для упорного труда. Чтобы социальные, экономические и политические отношения стали справедливее, а другие виды несправедливости постепенно исчезли, нужна долгая работа. Я надеюсь, что краткий анализ тех путей, которые приводят к развалу диктатуры, окажется полезным там, где народ угнетают и он стремится к свободе.

*Джин Шарп
6 октября 1993 года*

Глава первая

Реалистичное представление о диктатуре

За последние десятилетия под напором организованного сопротивления пали или зашатались многие диктаторские режимы – и возникшие внутри стран, и навязанные кем-то извне. Часто казалось, что их не сдвинуть, так глубоко они укоренились, но на самом деле они не смогли противостоять согласованному неповиновению людей – политическому, экономическому и социальному.

Благодаря главным образом ненасильственному неповиновению с 1980 года пали диктаторские режимы в Эстонии, Латвии и Литве, в Польше, Восточной Германии, Чехословакии и Словении, в Мали, Боливии, на Филиппинах и Мадагаскаре. Ненасильственное сопротивление приблизило демократизацию в Непале, Замбии, Южной Корее, Чили, Аргентине, Гаити, Бразилии, Уругвае, Малави, Тайланде, Болгарии, Венгрии, Заире, Нигерии и в разных частях бывшего Советского Союза, сыграв важную роль в победе над путчем в августе 1991 года.

Кроме того, за последние годы массовое политическое неповиновение¹ проявило себя в Китае, Бирме и Тибете. Хотя эта борьба не положила конец правящей диктатуре и оккупации, она показала мировому сообществу жестокость этих режимов и дала населению ценный опыт, связанный с подобной формой борьбы.

Падение диктатуры в перечисленных странах, конечно, не решило всех остальных проблем – жестокие режимы оставляют в наследство нищету, преступность, неэффективную бюрократию и неблагоприятную экологическую обстановку. Однако жертвам гнета стало легче, а главное, открылся путь к перестройке общества на основе более широкой политической демократии, личных свобод и социальной справедливости.

¹ Этот термин введен Робертом Хелви и означает ненасильственную борьбу (протест, отказ от сотрудничества), решительно и активно применяемую в политических целях. Появился он потому, что приравнивание ненасильственной борьбы к пацифизму и моральному или религиозному «непротивлению» вносило немалую путаницу. Слово «неповиновение» означает намеренный вызов власти, отказ от повиновения. «Политическое неповиновение» определяет ту область, в которой оно применяется (политику), а также его цель (политическую власть). Термин используется, чтобы обозначить действия, помогающие перехватить у диктатуры контроль над государственными институтами, постоянно нападая на ее источники силы и намеренно используя в этих целях стратегическое планирование. В настоящей работе термины «политическое неповиновение», «ненасильственное сопротивление» и «ненасильственная борьба» значат одно и то же, хотя последние два термина относятся к борьбе с более широкими целями (социальными, экономическими, психологическими и т. д.).

Постоянная проблема

За последние десятилетия в мире появилась тенденция к расширению демократии и свободы. Организация Freedom House каждый год составляет обзор состояния политических прав и гражданских свобод во всем мире; и по ее данным, число стран мира, внесенных в список «свободных», за последние десятилетия значительно возросло²:

	Свободные	Частично свободные	Несвободные
1983	55	47	64
1993	75	73	38
2003	89	55	48
2008	89	62	42

Однако эту положительную тенденцию уравнивает то, что многие народы все еще живут при тирании. К середине 2008 года 34 % из 6,8 млрд жителей Земли жили в странах, которые названы «несвободными»³, то есть там, где политические права и гражданские свободы населения чрезвычайно ограничены. В 42 странах, внесенных в этот раздел, управляют военные диктатуры (Бирма), традиционные репрессивные монархии (Саудовская Аравия и Бутан), доминирующие политические партии (Китай, Северная Корея), иностранные оккупанты (Тибет и Западная Сахара). Некоторые из них переживают переходный период.

Во многих странах происходят экономические, политические и социальные изменения. Хотя за последние годы число свободных стран увеличилось, остается большая опасность – не исключено, что такие быстрые изменения приведут не к свободе, а к новым формам диктатуры. Военные группировки, честолюбивые лидеры и приверженные догмам партии постоянно пытаются навязать населению свою волю. Государственные перевороты происходят и сейчас, и вполне возможны в будущем. Основные права человека и политические права по-прежнему недоступны для многих и многих народов.

К сожалению, прошлое остается снами. Проблема диктатуры сложна. Десятки и даже сотни лет народы разных стран жили под внутренним и внешним гнетом. От них требовали беспрекословного подчинения чиновникам и правителям. В крайних случаях государство или правящая партия преднамеренно ослабляли, подчиняли или заменяли социальные, политические, экономические и даже религиозные институты общества, независимые от государства, создавая взамен те, которые нетрудно использовать в своих интересах. Людей разобщали, а скопище разрозненных лиц уже не может добиваться свободы, доверять друг другу и даже действовать по собственной воле.

Результаты нетрудно предсказать: народ становится слабым, теряет уверенность в себе и способность к сопротивлению. Люди слишком запуганы, чтобы выражать ненависть к диктатуре и стремление к свободе даже среди своих близких. Мало того, они боятся подумать о публичном сопротивлении и уж точно не видят в нем пользы. Они бесцельно страдают и без надежды смотрят в будущее.

Может оказаться, что современные диктатуры намного хуже прежних. Раньше некоторые люди хотя бы пытались сопротивляться. Недолгие массовые протесты – скажем, демон-

² Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights and Civil Liberties / Freedom House [www.freedomhouse.org].

³ Ibid.

страции – поднимали на какое-то время моральный дух общества. Отдельные лица и небольшие группы совершали почти бессмысленные поступки, утверждая какой-нибудь принцип или просто проявляя неповиновение. Однако при всем своем благородстве такие действия не могли преодолеть страх и привычку к подчинению, а значит, и разрушить диктатуру. Как ни печально, вместо победы или хотя бы надежды на нее они лишь увеличивали страдания.

Свобода через насилие?

Что же делать в таких обстоятельствах? Наиболее очевидные возможности представляются бесполезными – диктаторам нет дела до конституционных и законодательных барьеров, судебных решений и общественного мнения. Поэтому вполне понятно, что, сталкиваясь с жестокостью, пытками и убийствами, люди часто приходят к выводу: положить конец диктатуре может только насилие. Иногда разъяренные жертвы объединялись, чтобы бороться с диктатурой с помощью насилия и даже военных действий, хотя у них не было никаких шансов. Не страшась страданий и не жалея жизни, они храбро сражались и порой добивались немалого, но редко завоевывали свободу. Яростное восстание жестоко подавляют, и люди становятся еще беспомощнее.

Каковы бы ни были достоинства насильственных методов, ясно одно: *те, кто на них полагается, выбирают вид борьбы, при котором угнетатели почти всегда имеют преимущество.* Диктаторы прекрасно подготовлены к применению насилия. Сколь продолжительной не была бы борьба, в конце концов все равно побеждает жестокая реальность. У диктаторов, как правило, намного больше оружия, транспорта и войск. Несмотря на смелость свободолюбцев, им почти всегда нечего этому противопоставить.

Если вооруженное восстание нереально, некоторые склоняются к партизанской войне. Однако она редко приносит пользу угнетенному населению и никогда (или почти никогда) не обеспечивает демократии. Партизанская война не бесспорна, в особенности потому, что в ней гибнет очень много народа. Несмотря на соответствующую теорию, на стратегический анализ, а иногда – и на международную поддержку, она не обеспечивает победы. Партизанская борьба сплошь и рядом длится очень долго, а правящий режим депортирует тем временем гражданское население. Словом, этот способ борьбы приносит огромные страдания и разрушает общество.

Мало того – даже в случае победы партизанская борьба часто приводит к долгим и тяжелым последствиям. Режим, против которого боролись, становится все более жестоким.

Если его в конце концов свергли, новый режим часто оказывается ничуть не лучше. Войск стало больше, влияние их усилилось, а независимые группы и институты, важные для построения и поддержания демократического общества, заметно ослабли. Противники диктатуры должны найти другой путь.

Перевороты, выборы, спасители из-за рубежа?

Может показаться, что военный переворот – сравнительно легкий и быстрый способ устранить самый мерзкий режим. Однако у такого способа есть серьезные недостатки. Прежде всего, он не меняет несправедливого распределения власти между населением и элитой, управляющей правительством и вооруженными силами. Устранив с правящих позиций одних лиц, одну группу, мы, скорее всего, просто дадим возможность другой группе занять их место. Такая группа может оказаться более терпимой и открытой для (возможно, ограниченных) демократических реформ. Однако с тем же успехом может случиться и совсем иное.

Укрепив свое положение, новая клика, на которую возлагали такие огромные надежды, может оказаться еще более беспощадной и честолюбивой, чем прежняя, и соответственно может делать, что ей вздумается, не заботясь о демократии и правах человека. Так проблемы диктатуры не решишь.

Для значительных политических изменений при диктатуре непригодны и выборы. Некоторые диктаторские режимы (например, в странах Восточного блока, находившегося под господством СССР) формально проводили их, чтобы создать видимость демократического процесса. Однако на самом деле это был строго контролируемый плебисцит, обеспечивающий одобрение кандидатов, уже отобранных властями. Под давлением диктатор иногда может согласиться на новые выборы, но, манипулируя ими, он просто усадит в правительственные кабинеты гражданских марионеток. Если кандидаты от оппозиции получают возможность участвовать в выборах и одержат победу, как это случилось в Бирме (1990) и Нигерии (1993), на их результаты можно не обращать внимания, а «победителей» можно запугать, посадить или даже казнить. Диктаторы не допустят выборов, которые могут сбросить их с трона.

Те, кто страдает от диктатуры или хоть как-то затаился, чтобы избежать немедленной расправы, обычно не верят, что можно освободиться самостоятельно. Они считают, что народ спасет только кто-то другой, то есть делают ставку на внешние силы. По их мнению, лишь международная помощь является достаточно мощной, чтобы свергнуть диктатора.

Действительно, угнетенные не способны эффективно действовать, но это верно лишь для определенного периода времени. Как мы уже отмечали, угнетенный народ часто не хочет, а иногда и не может бороться, поскольку не верит, что способен противостоять безжалостной диктатуре, и не знает путей к спасению. Поэтому многие и возлагают надежду на других. Такой внешней силой может быть «общественное мнение», Организация Объединенных Наций, определенная страна или международные экономические и политические санкции.

Этот сценарий кажется удачным, но надежда на спасителя извне создает серьезные проблемы. Она может оказаться совершенно напрасной. Обычно спаситель так и не появляется, а если другое государство все-таки вмешивается, это не значит, что ему можно во всем доверять.

Уместно указать на несколько неприятных явлений, связанных со ставкой на иностранное вмешательство:

- иностранные государства нередко терпят диктатуру и даже помогают ей, чтобы обеспечить свои экономические или политические интересы;
- иностранные государства могут предать угнетенный народ и не сдержать своих обязательств (то есть не помочь ему) ради какой-то другой цели;
- некоторые государства согласны бороться против диктатуры лишь для того, чтобы добиться экономического, политического или военного контроля над чужой страной;

- иностранные государства могут активно вмешаться и действительно помочь только тогда, когда внутреннее сопротивление уже пошатнуло диктатуру и привлекло внимание международной общественности к ее жестокой природе.

Как правило, диктатура существует благодаря распределению власти в стране. Население и общество слишком слабы, чтобы ей помешать, богатство и власть сосредоточены в руках очень немногих людей. Хотя своими действиями другие страны могут ослабить диктатуру, существование ее в основном зависит от внутренних факторов.

Однако давление международного сообщества может оказаться полезным, когда оно поддерживает мощное сопротивление внутри страны. В таком случае, например, международный бойкот, эмбарго, разрыв дипломатических отношений, исключение из международных организаций, осуждение со стороны ООН и т. п. окажет большую помощь. И все же, если нет мощного внутреннего сопротивления, такие действия едва ли будут предприняты.

Лицом к лицу с жестокой правдой

Вывод сделать нелегко. Чтобы свергнуть диктатуру с минимальными жертвами, нужно выполнить четыре первоочередные задачи:

- укрепить в угнетенном населении решимость, уверенность в себе и способность к сопротивлению;
- укрепить независимые социальные группы и институты угнетенного народа;
- создать мощное внутреннее сопротивление;
- подготовить разумный стратегический план и умело претворить его в жизнь.

Борясь за освобождение, надо полагаться на самих себя и на внутренние ресурсы сопротивляющихся. Во время кампании 1879–1880 годов за ограниченное самоопределение Ирландии Чарлз Стюарт Парнелл говорил:

Незачем полагаться на правительство... Вы должны полагаться на собственную решимость... Помогайте самим себе... укрепляйте тех, кто слаб... сплотитесь вместе, организуйтесь... и вы победите...

Когда вашими усилиями проблема созреет, тогда и только тогда ее можно будет разрешить⁴.

Перед лицом самостоятельной силы, при наличии разумной стратегии, осуществлении дисциплинированных и смелых действий и столкновении с подлинной мощью диктатура в конце концов рухнет. Однако для этого необходимо выполнить как минимум четыре указанных требования.

Как видно из сказанного, освобождение от диктатуры в конечном счете зависит от собственных усилий народа. Примеры успешного политического неповиновения, то есть ненасильственной борьбы за политические цели, приведенные выше, показывают, что такая возможность существует, но этот путь до сих пор не продуман. Мы рассмотрим его подробнее в следующих главах, а сначала поговорим о таком средстве расшатывания диктатуры, как переговоры.

⁴ O'Hegarty P.S. A History of Ireland Under the Union, 1880–1922. London: Methuen, 1952. P. 490–491.

Глава вторая

Опасности переговоров

Перед лицом острых проблем, описанных в главе 1, некоторые не найдут ничего лучше, чем просто повиноваться властям. Другие, утратив надежду, придут к выводу, что нужно договориться с «вечной» диктатурой, чтобы через «примирение», «компромисс» и «переговоры» сохранить хоть что-то хорошее и ослабить жестокость. На первый взгляд, если нет реальных альтернатив, такой вариант выглядит привлекательно.

Серьезная борьба против жестокой диктатуры чревата неприятностями. Зачем становиться на этот путь? Почему нельзя просто вести себя разумно и искать пути к переговорам, которые помогли бы постепенно покончить с тиранией? Разве не могут демократы призвать диктаторов к человечности и убедить их сократить свою абсолютную власть и в конце концов предоставить возможность для создания демократического правительства? Иногда говорят, что правда – не на одной стороне. Может быть, демократы недопонимают диктаторов, действовавших в сложной обстановке и из лучших побуждений? Может быть, в трудной ситуации диктаторы с радостью уйдут сами, если поощрить и уговорить их? Может быть, они согласятся «на ничью», и все стороны окажутся в выигрыше? Если демократическая оппозиция готова уладить конфликт мирным путем переговоров (может быть, при посредничестве опытных лиц или правительства другой страны), не нужно бороться, страдать, рисковать. Разве это не лучше трудной борьбы, даже ненасильственной?

Достоинства и недостатки переговоров

Для разрешения определенных проблем и конфликтов переговоры очень полезны. Если они к месту, этот путь нельзя игнорировать или отвергать. Когда решаются вопросы, не имеющие принципиального значения и подразумевающие возможность компромисса, переговоры могут ослабить или уладить конфликт. Хороший пример уместного использования переговоров – забастовка за повышение заработной платы; достигнутое соглашение может привести к тому, что зарплату повысят на сумму, находящуюся между величинами, предложенными каждой из договаривающихся сторон. Однако трудовые конфликты с участием официальных профсоюзов сильно отличаются от конфликтов, в которых спор идет между жестокой диктатурой и политической свободой.

Когда ставятся предельно важные вопросы, связанные с верой, правами человека или будущим развитием общества, переговоры не приводят к взаимоприемлемому решению. Основные ценности может защитить лишь изменение в соотношении сил, а такой сдвиг достигается только борьбой. Это не значит, что к переговорам вообще не стоит прибегать. Просто сами они, без мощной демократической оппозиции, не могут устранить сильную диктатуру.

Естественно, далеко не всегда переговоры вообще возможны. Надежно обосновавшиеся диктаторы, скорее всего, откажутся вести их со своими демократическими оппонентами. Мало того – после начала переговоров оппоненты могут исчезнуть без следа.

Переговоры о капитуляции?

Отдельные лица и группы, противостоящие диктатуре и стремящиеся к переговорам, часто ставят благородные цели. Если вооруженные столкновения с жестоким режимом продолжаются годами и ничего не приносят, люди любой политической ориентации, естественно, захотят мира. Поборники свободы особенно ратуют за переговоры, когда диктаторы имеют явное военное превосходство, а жертвы и разрушения становятся чрезмерными. Появляется сильный соблазн использовать любую возможность, которая помогла бы достичь хотя бы некоторых целей и положить при этом конец насилию, непрерывно порождающему зло.

Конечно, «мирные» предложения диктатора не особенно искренни. Он может когда угодно остановить борьбу против собственного народа. Он волен без всякой торговли восстановить уважение к достоинству и правам человека, освободить политических заключенных, прекратить пытки, остановить карательные операции, отказаться от власти и даже попросить у народа прощения.

Когда диктатура сильна, но сопротивление ей существует, диктаторы могут заставить его капитулировать под предлогом «примирения». Призыв к переговорам привлекает, но в зале, за столом, демократов ждут серьезные опасности.

Если же оппозиция очень сильна и диктатура находится под угрозой, диктаторы могут предложить переговоры, чтобы сохранить за собой как можно больше власти или денег. И в первом, и во втором случае демократы не должны помогать диктаторам.

А вот ловушек, намеренно расставляемых диктаторами, остерегаться надо. Призывая к переговорам, затрагивающим политические свободы, диктаторы нередко хотят, чтобы демократы мирно сдали свои позиции. В таких конфликтах переговоры возможны только в конце решительной борьбы, когда власть диктаторов свергнута и они думают о том, как пробраться в международный аэропорт.

Сила и справедливость на переговорах

Если это суждение представляется слишком жестким, следует умерить романтический образ переговоров и понять, как они проводятся на самом деле.

«Переговоры» не значат, что две стороны сели за стол и на равных обсуждают, а там – и разрешают противоречия, которые привели к конфликту. Нужно помнить очень важный факт: обсуждаемое соглашение определяется не тем, на чьей стороне справедливость, а тем, какая сторона сильнее.

Тут надо учитывать несколько трудных вопросов. Что может сделать позднее каждая из сторон, если другая сторона не пойдет на соглашение? Что может сделать каждая из сторон, если другая сторона нарушит слово и станет добиваться своего вопреки соглашению?

Переговаривающиеся стороны не состязаются в справедливости, разрешая проблему. Хотя о ней могут немало говорить, реальные результаты возникают из оценки абсолютной и относительной силы сторон. Что могут сделать демократы, чтобы не сомневаться в том, что их минимальные требования будут приняты? Что могут сделать диктаторы, чтобы сохранить власть и обессилить демократов? Другими словами, если соглашение будет достигнуто, то в основном благодаря тому, что стороны сравнивают возможности друг друга и определяют, к чему может привести открытая борьба.

Надо уделить внимание и уступкам, на которые готова пойти каждая из сторон. В успешных переговорах неизбежен компромисс. Каждая сторона получает только часть того, чего добивается, а от другой части отказывается.

Что могут уступить диктаторам продемократические силы в ситуации жесточайшей диктатуры? С какими целями диктаторов могут они согласиться? Должны ли демократы оставить диктаторам (будь то политическая партия или военная клика) конституционно закрепленную роль в будущем правительстве? Не должны? Где же тогда демократия?

Даже предположив, что переговоры проходят успешно, стоит задаться вопросом: какой же мир наступит? Станет жизнь лучше или хуже, чем могла бы стать, если бы демократы начали или продолжали борьбу?

Уступчивые диктаторы

У диктаторов бывают разные мотивы и цели, на которых основывается их владычество, – власть, положение, богатство, преобразование общества и т. п. Нельзя забывать, что ни одной из этих целей они не достигнут, если лишатся своего положения. Значит, в случае переговоров они будут пытаться сохранить его за собой.

Какие бы обещания ни давали диктаторы, ни в коем случае нельзя забывать, что они пообещают что угодно, лишь бы обеспечить подчинение своих демократических оппонентов, а потом грубо нарушат соглашения.

Если демократы согласятся прекратить сопротивление в ответ на приостановку репрессий, их может ждать разочарование. Так бывает очень редко. Устранив противодействие внутренней и международной оппозиции, диктаторы только рады ужесточить режим. Спад народного сопротивления часто устраняет сдерживающую силу, ограничивавшую жестокость диктатуры, и тираны тогда могут делать все, что им угодно. «Тиран обладает властью ровно настолько, насколько нам не хватает силы противиться ей», – писал Кришналар Шридхарани⁵.

Если ставкой оказались самые фундаментальные ценности, изменить что-то может только сопротивление. Чтобы лишить диктаторов власти, оно почти всегда должно продолжаться. Успех в большинстве случаев определяется не переговорами, а разумным использованием самых подходящих и мощных средств сопротивления. На наш взгляд, самое мощное средство, доступное для тех, кто сражается за свободу, – политическое неповиновение, или ненасильственная борьба, о котором мы будем говорить подробно.

⁵ *Shridharani K. War Without Violence: A Study of Gandhi's Method and Its Accomplishment.* New York; London: Garland Publishing, 1972. P. 260 (впервые: New York: Harcourt Brace, 1939).

Какой именно мир?

Если диктаторы и демократы ведут переговоры о мире, нужно чрезвычайно четко представлять себе предмет обсуждения, поскольку здесь могут крыться опасности. Не все, кто говорит слово «мир», хотят мира, предполагающего свободу и справедливость. Подчинение грубому насилию и пассивная уступка диктаторам, которые безжалостно обращались с сотнями тысяч людей, – совсем не мир. Гитлер неоднократно призывал к миру, под которым он понимал подчинение своей воле. Мир для диктатора часто означает покой тюрьмы или могилы.

Существуют и другие опасности. Руководствуясь благими намерениями, участники переговоров иногда путают цели переговоров и переговорный процесс. Кроме того, демократы или иностранные эксперты по переговорам могут одним махом обеспечить диктаторам на местном и международном уровнях ту легитимность, в которой им прежде отказывали из-за незаконного захвата власти, нарушений прав человека и попросту жестокости. Без законного статуса, в котором они отчаянно нуждаются, диктаторы не могут править бесконечно. Сторонники мира не должны предоставлять им такого статуса.

Основания для надежды

Как мы уже говорили, лидеры оппозиции могут считать, что они вынуждены вступить в переговоры, поскольку борьба за демократию безнадежна. Однако это можно изменить. Диктатура не вечна. Люди, живущие под ее гнетом, не должны терять последние силы и позволять диктаторам бесконечно оставаться у власти. Аристотель давно сказал: «.. олигархия и тирания – наиболее кратковременные виды государственного строя... Большая часть всех тираний была совсем кратковременной»⁶. Современные диктатуры тоже уязвимы. Их слабости можно усугубить, расшатывая власть диктаторов. (Слабости эти мы подробнее рассмотрим в главе 4.)

Современная история выявляет уязвимость диктатур и показывает, что они могут пасть сравнительно быстро. Для свержения коммунистической диктатуры в Польше понадобилось десять лет, с 1980 по 1990 год, а в Восточной Германии и Чехословакии в 1989 году это произошло за считанные недели. В Сальвадоре и Гватемале (1944) понадобилось примерно две недели борьбы, чтобы покончить с прочно укоренившимися военными диктатурами. Мощный военизированный режим иранского шаха был подорван за несколько месяцев. Филиппинский диктатор Маркос в 1986 году был свергнут за несколько недель, а правительство США отказало ему в поддержке, как только мощь оппозиции стала очевидной. Путч в Советском Союзе (август 1991 года) был остановлен за несколько дней при помощи политического неповиновения. После него многие из народов, долгие годы находившихся под властью СССР, вернули себе независимость в течение нескольких дней, недель или месяцев.

Принято считать, что силовые действия срабатывают мгновенно, а ненасильственные требуют длительного времени. Это не так. Нужно немало времени, чтобы изменить глубинную ситуацию в обществе, но ненасильственная борьба против диктатуры иногда протекает сравнительно быстро.

Переговоры – не единственная альтернатива войне на уничтожение, с одной стороны, и капитуляции – с другой. Приведенные здесь примеры, а также примеры из главы 1, показывают, что есть еще одна возможность для тех, кто добивается и мира, и свободы, – политическое неповиновение.

⁶ *Aristotle. The Politics.* Harmondsworth; Baltimore: Penguin Books, 1976 [1962]. P. 231, 232 [Политика, 1315b; пер. С.А. Жебелева].

Глава третья

Откуда взять силу?

Конечно, совсем не просто построить свободное и мирное общество. Здесь нужны и стратегические таланты, и организация, и план. Но самое главное – нужна сила. Демократы не могут свергнуть диктатуру и добиться политической свободы, если они не способны действительно применять собственную силу.

Как это сделать? Откуда может взять силу демократическая оппозиция, чтобы разрушить диктатуру с ее мощной военной и полицейской системой? Мы этого не узнаем, пока не поймем правильно, что такое политическая сила. Изучить ее сущность не так уж трудно. Основные понятия довольно просты.

Притча о повелителе обезьян

Притча Лю Цзи, китайского сочинителя XIV века, хорошо описывает уже забытое понимание политической власти:

В государстве Чу один старик в качестве прислуги держал обезьян. Народ Чу называл его Повелителем обезьян. Каждое утро старик собирал их у себя во дворе и приказывал старейшей обезьяне вести остальных в горы, чтобы собирать фрукты. Каждая обезьяна должна была отдавать ему одну десятую собранного. Тех, кто не делал этого, безжалостно пороли. Все обезьяны страдали, но не решались жаловаться. Однажды маленькая обезьянка спросила остальных: «Сажал ли старик эти деревья и кустарники?» Ей ответили: «Нет, они сами выросли». Тогда обезьянка опять спросила: «Разве мы не можем собирать фрукты без разрешения?» Остальные ответили: «Можем». Обезьянка не унялась: «Тогда почему мы должны служить старику?» Она еще не кончила говорить, как обезьяны все поняли и пробудились. Той же ночью, увидев, что старик уснул, обезьяны разрушили ограду, забрали фрукты, которые старик держал в хранилище, унесли их в лес и больше не возвращались. Вскоре старик умер от голода⁷.

Лю Цзи говорил: «Некоторые правят своим народом с помощью обмана, а не с помощью справедливости. Разве они не похожи на повелителя обезьян? Они не догадываются о своей глупости. Как только их народ образумится, обман перестанет действовать».

⁷ История эта, называемая «Правление с помощью обмана», взята из книги Лю Цзи (1311–1375). Перевод Сидни Тай опубликован в сборнике: *Nonviolent Sanctions: News from the Albert Einstein Institution*. Vol. IV. № 3 (Winter 1992/1993). P. 3.

Необходимые источники политической власти

Принцип прост. Диктаторы не могут обойтись без людей, которыми правят; без них они просто не обеспечат и не смогут сохранить источники политической власти. Источники эти включают:

- *авторитет* – уверенность людей, что власть законна и они обязаны ей подчиняться;
- *человеческие ресурсы* – какое-то число отдельных людей и групп, которые подчиняются правителям, сотрудничают с ними или предоставляют им помощь;
- *умения и знания*, необходимые режиму и предоставляемые ему теми, кто с ним сотрудничает;
- *нематериальные факторы* – психологические и идеологические, заставляющие людей подчиняться и помогать правителям факторы;
- *материальные ресурсы* – контролируемые правителями богатства, природные ресурсы, финансы, экономическая система, а также средства связи и транспорт;
- *санкции* – наказания, грозящие непослушным или отказывающимся сотрудничать, необходимые для существования режима и проведения его политики.

Эти источники, однако, зависят от того, есть ли у режима поддержка, подчиняются ли ему люди, сотрудничают ли с ним общественные институты. А все это отнюдь не гарантировано.

Тесное сотрудничество, послушание и поддержка увеличивают доступность необходимых источников силы и соответственно расширяют власть любого правительства.

Если же народ и общественные институты будут меньше сотрудничать с агрессорами и диктаторами, это лишит правителей источников их силы. А без таких источников их власть слабеет и в конце концов разрушается.

Естественно, диктаторы остро реагируют на поступки и мысли, которые хоть в какой-то мере лишают их возможности делать что угодно. Поэтому они запугивают и наказывают тех, кто им не подчиняется, бастует или отказывается с ними сотрудничать. Однако это еще не все. Репрессии, даже зверства, не всегда могут вернуть степень подчинения и сотрудничества, необходимую для существования режима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.